

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ПОЧЁМ ДЕТИ?

На семейной консультации в реабилитационном центре сидят двое взрослых и девочка пятнадцати лет. Девочка руки скрестила, нога на ногу, смотрит исподлобья, кожа вокруг ногтей в болячках от обкусанных заусенцев. Страшно ей. Хотя она-то страха навидалась и похлеще от родных родителей-наркоманов, убитых у нее на глазах их обкурившимися друзьями. Страх девочка маскирует грубостью и безразличием.

Маша из опекунской семьи. Стандартные особенности трудных подростков: прогулы, частые ссоры дома, выпивает в компаниях. Пока ничего криминального, но она же *“государственный ребенок”*, потому каждый ее шаг фиксируется. Она в семье не одна: их шесть детей. Все взяты под опеку. Родители с ней не справляются: “Все остальные нормальные дети, а Маша – с ней просто невозможно! Да она еще и младшим пример подает!” Почти час родители снова и снова срываются на критику и обвинения, несмотря на замечания психолога.

Маша психует, шлет всех по известному адресу и выбегает из кабинета. Родители, закатив глаза (“Вот, вы посмотрите на нее!”), продолжают жаловаться, представляя Машу необыкновенным монстром (жаль, нас не впечатлишь, мы-то Машу уже вполне оценили, у нас есть с чем сравнить). Провокационный вопрос специалистов, чтобы как-то побудить опекунов вспомнить, зачем они Машу когда-то взяли: “А почему не откажетесь?”. Если бы семья была родная, то на такой вопрос мы бы увидели недоуменный взгляд (“Вы вообще в себе?”) или, если случай совсем тяжелый (колется три года, мать бьет, из дома все выносит) – тихое: “Люблю её. Она моя дочь, моя кровь. Я до последнего за неё борюсь буду”.

Но Маша не родная. Хотя в этой семье уже семь лет. Поэтому опекуны Маши доверительно, снизив тон, сообщают: “От государства у нас жилплощадь, которую выдали именно под воспитание шестерых детей. Пока было трое, ничего не полагалось. А теперь вот дом дали, с участком. А если Машу вернуть, то могут дом забрать. Шестерых надо или лучше даже побольше”. А сил у Машиных родителей на ее выкрутасы больше нет. Поэтому они решили с Машей договориться: чтобы сама отказалась от них. А пока она у нас

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Институт психотерапии и клинической психологии и Институт психоанализа. Работала во Франции и США. Как прозаик дебютировала в мартовской книжке журнала “Наш современник” за 2014 год. В 2015 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов “Чудес хочется!” (Москва, 2016) и “Виною выжившего” (Минск, 2016). Лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

в реабилитационном центре полежит, они себе присмотрят другого шестого ребенка... Им дадут, у них хорошие показатели: остальные дети нормально учатся, на секции ходят, дисциплинированные. Вот если б еще от нас выписку, что Маша совсем неадекватная...

Наблюдая за все набирающей обороты социальной пропагандой, ощущаешь, что государство явно наметило цель: покончить с детскими домами и распределить воспитанников по приемным семьям. Ролики по ТВ, билборды вдоль трасс, фестивали, плакаты на остановках, рекламные брошюры... Идея взятия ребенка в семью пропагандируется повсеместно. И вроде бы цель-то благая, да вот только бороться с социальным сиротством (когда дети стали сиротами при живых родных) с помощью подобных акций не слишком эффективно. Ведь проблема не в том, что детей не хотят брать, проблема в том, что дети почему-то оказываются в детских домах. И если рассортировать нынешних детдомовских, через пару лет снова появятся дети, выброшенные из семей, кстати, многие из них будут выброшены вторично – уже из семей приемных, но об этом чуть позже.

Вопрос нужно решать на уровне профилактики сиротства в принципе. Отказываются чаще всего несколько категорий: несовершеннолетние мамы под давлением семьи, да большое количество иммигранток из стран СНГ. Остальные категории женщин либо в состоянии самостоятельно ребенка вырастить (если связь с его отцом была случайной), либо делают аборт. Конечно, бывают и исключения, но все же в основе отказа от ребенка – невозможность его вырастить. А если копать глубже, то в незнании/невозможности своевременно использовать контрацептивные средства. Если ты знаешь, что не готова к детям, так есть много известных способов это предотвратить.

Но это звено наше правительство, кажется, игнорирует. И если где-нибудь в Малави из-за высочайшего уровня ВИЧ-инфекций контрацептивы раздают бесплатно в любом сельском магазине, то в нашей стране стоимость упаковок презервативов сравнима со стоимостью нескольких банок алкогольных коктейлей. Неудивительно, что молодые отцы делают выбор в пользу выпивки.

Следующее звено – поддержка матерей, которые оказались в трудном положении. Существуют так называемые центры помощи молодым мамам. Но многие ли о них знают? Видели ли вы рекламы на остановках, в метро или по телевидению? Слышали о телефонах доверия для девушек, задумывающихся об аборте?

Зато обороты рекламы передачи детей из детского дома в семьи колоссальны. Вряд ли где-то еще в мире можно найти такое количество форм помещения ребенка в новую семью, как в России. У нас это и патронатные родители, и опека над ребенком, и попечительство, и так называемые деревни SOS, где на 7–9 детей одна приемная мама (папы приемным детям, видимо, не полагаются, не напасешься пап, в родных-то семьях не всегда имеются). Есть и различные формы госучреждений: социальные центры, приюты, интернаты.

Зачем людям, желающим взять чужого ребенка, так много вариантов по форме усыновления? Отличие, по сути, только в степени ответственности и... в размерах ВЫПЛАТ. В прежние времена был только один вариант: усыновление. Хочет семья брать ребенка – берет. Без пособий, денег, льгот. И живёт, как любая обычная семья со своим ребенком: сами содержат, обучают, терпят, спорят, решают, ругают. Родители несут полную ответственность за усыновленного ребенка. Но и права у них полные, вмешательство государства только согласно общему законодательству. Теперь же, помимо классического (увы, все менее популярного в наши дни) способа, появились разнообразные варианты, как можно взять ребенка: ребенок выходного дня или летних каникул, ребенок на время (присмотреться), ребенок на довоспитание (берем в 16 лет и в 18 отпускаем), патронатная семья, опекуны и прочее.

Большинство этих форм сопровождается выплатами государства. То есть замечательную маркетинговую стратегию выработали где-то там, наверху: раз у нас не берут детей из детских домов, надо к ним в придачу давать какой-то бонус: единовременные выплаты, ежемесячные пособия, дополнительные льготы, а то и, может, жилплощадь, пусть хоть на время! Авось и возьмут! Очень в духе рыночной экономики.

Стимул нашли, теперь надо придумать, как это получше обозвать, чтобы не совсем по-торговому смотрелось. А преподносят это вот так: опекунство – тоже работа. Такой труд нужно оплачивать достойно, как труд работников детских домов. И вроде, если не вдумываться, вполне ничего так объяснение,

правда? А вдумываться-то не хочется, если тебя это не касается, если это происходит с чужими детьми. А вот если вдуматься... про что это: "Моя работа – быть матерью, государство платит мне за это. Я выполняю свои функции матери и отчитываюсь перед государством". Это про любовь? Про тепло? Это вообще про чувства? Это правда про материнство и семью? Работу, особенно тяжелую, всегда можно поменять...

В поисках официальной статистики возвратов приемных детей (которая нигде не афишируется, дабы не пугать возможных будущих кандидатов в усыновители) можно наткнуться на статью Александра Шмелева на сайте pravmir.ru. Статья называется обнадеживающе: "Процент возврата усыновленных детей сильно преувеличен" (pravmir.ru/alexandr-shmelevprocent-vozvrat-usynovlennyyh-detej-silno-preuvelichen). Открыла ее с надеждой на реальные цифры. Автор приводит доводы, что сенатор Петренко в своем нашумевшем (увы, только в среде специалистов) докладе обнародовала завышенные цифры по возврату усыновленных детей, а именно из 6,5 тысячи вернули 4,5. И вот интересно, Александр Шмелев делает вывод, что все не так плохо с усыновлением, цитирую: *"Итак, реальное положение дел таково: на семейные формы устройства в 2012 году в семьи российских граждан было передано 58,8 тыс. детей. Из них 6,5 тыс. – на усыновление (эта цифра и попала на глаза сенатору Петренко), 37,3 тыс. – на безвозмездную форму опеки (попечительства), 15 тыс. – на возмездную форму опеки (попечительства), в том числе 13 тыс. – в приемные семьи, 0,2 тыс. – на патронатное воспитание. Возвращено же в детские дома из числа ранее взятых оттуда сирот было, действительно, около 4500 детей. Но не только и не столько усыновленных, а в основном тех, кого брали под опеку или под патронаж. Т. е. процент возврата равен не 70% (4500 от 6500), как считают сенатор Петренко и блогеры-ретрансляторы, а в 10 раз меньше – примерно 7% (4500 от 58800). Причем усыновленных среди них – единицы (точную статистику сейчас не могу найти, но знаю, что именно усыновленных и удочеренных возвращают крайне редко)"*.

Конечно, замечательно, что процент оказался не 70, а 7. Но вдуваемся, что испытывали эти 4500 (вы произнесите эту цифру медленно вслух) детей, которых бросили дважды! Четыре тысячи пятьсот детей... И это цифры одного только года! Многие ли из них после такого смогут прийти к нормальной жизни?

А вот в рамках моего вопроса о смысле такого разнообразия форм опеки статья Шмелева дает вполне внятный ответ. Он указывает на то, что усыновленных-то (имеется в виду официальное классическое усыновление) редко возвращают (далее в статье автор упоминает, что это сложный волокитный процесс), возвращают тех, кого взяли в рамках так называемой "возмездной" формы опеки. Мол, не страшно, этих возвращенцев еще ж не усыновили насовсем, их так, на время брали, посмотреть. Действительно, дети-то должны понимать разницу, что официально их еще не забирали из детского дома! Что тут сложного? Это был испытательный срок. И "родители" его не выдержали. Раз отношения возмездные, то и подход как в магазине: не подошло, извините, возвращаем.

Не стану осуждать этих несостоявшихся родителей и восхвалять тех, кто любой ценой вырастит приемного ребенка в своей семье. Мы работаем с патологией, потому, возможно, многих позитивных исходов усыновления не видим. Не могу сказать, что классическое усыновление дает больше шансов на то, что от ребенка не откажутся. Увы, вариантов "спихнуть" такого ребенка неофициально тоже много. Часто бывают у нас такие усыновленные, которых отправляют не только в реабилитационные центры на годовое пребывание, но и в школы-интернаты, школы-пансионы (иногда очень даже элитные и платные, и творческие и интеллектуальные). При желании детей всегда можно куда-то отправить, пусть и не обратно в детский дом.

Вопрос в том, что государство, размышляя и создавая проекты в сфере социальной, использует те же технологии, что и в бизнесе. Поставили цель – осуществим цель. Рекламой и финансами стимулировать на усыновление можно тех, кто раньше не рассматривал всерьез вариант взять чужого ребенка. Ведь те, кто действительно хотят его вырастить, они и без рекламы свое желание реализуют.

Законодатели уравнивают детские судьбы с экономической судьбой российского туризма. Можно сагитировать любителя египетского "все включено" таки поехать отдыхать на наш юг. По-разному можно простимулировать: ценами, запретами, обещанным сервисом... Он, может, даже и поедет на русское Черное море. Правда, ехать будет настроенно. Он раньше-то, пока

санкций не было, и не задумывался, что на нашем море отдыхать можно. И смотреть он на все будет через призму сравнения. Но ведь есть шанс, что кому-то из таких новоиспеченных туристов наш юг понравится! Да так понравится, что он приедет снова, и вполне будет счастлив! Правда, остальные после такой поездки могут передумать... Но что нам до них! Они и сами справятся.

Вот только Черное море никак не пострадает от того, что кто-то в нем разочаровался и больше не приедет. А четыре тысячи пятьсот детей, к которым больше не приедут вернувшие обратно, разочарованные в них родители, вряд ли смогут с этим справиться. И их страдания, выливающиеся в асоциальное поведение, агрессию и наркотики, спишут на плохую генетику или влияние компьютерных игр.

Проводится ли анализ эффективности таких программ? Возможно, вкладывать нужно не в рекламу усыновления и пособия опекунам, а в более продуктивную работу школ приемных родителей, в психологическое курирование таких семей на протяжении всего пути, в формирование у взрослых реального, а не иллюзорного представления о том, что их ждет. Ведь детско-родительские отношения устроены несколько сложнее, чем экономическая модель спроса и предложения. Хочется, чтобы и подход к решению проблемы социального сиротства основывался не только на экономических факторах.

ВЫСТРЕЛЫ В ШКОЛЕ

С начала этого года в США произошло 18 случаев стрельбы в школах (<http://theguardian.com/world/2018/feb/14>). Даже в сводках американских теленовостей не все эпизоды были освещены. В русских же СМИ анонсировали не более трех эпизодов. И проблема не в том, что кто-то хочет занижить или скрыть цифры. Проблема в привычности подобных ситуаций в Штатах. Освещают лишь те эпизоды, в которых было большое количество жертв.

До недавнего времени русский зритель смотрел подобные репортажи с ужасом, но и со вздохом облегчения: у нас такого нет, это у них там из-за того, что разрешено оружие. Но последние годы открыли глаза: чумой школьных расправ заразилась Россия. Наша статистика не такая жуткая по количеству жертв, но по количеству эпизодов она пугает. Только случаев стрельбы за последние 4 года не меньше 10 (<http://tass.ru/info/4533764>). Но как часто водится, в набат забили только тогда, когда начались массовые эпидемии школьных расправ.

Однако до сих пор мы не получили хотя бы самые приблизительные ответы на то, почему это случилось, каковы были мотивы, чего смогло добиться следствие в поисках причин и какие перспективы нас ждут.

Конечно же все сведущие и особенно не сведущие в подростковой психике тут же начали предлагать гипотезы. Во многих статьях “по горячим следам” обнаруживается стремление списать происходящее на увлечение компьютерными играми, жестокими фильмами. Но кто выпускает для детей эти видеоигры? Кто рекламирует их? Кто покупает и позволяет своим чадам сидеть часами, аккумулируя свою агрессию? Сколько можно сваливать на подростков, что они такие?! Ведь вырастили их мы. Те самые учителя в школах, на которых они идут с ружьем, их родители, которых подростки игнорируют, служащие бесконечных инстанций, вроде опеки, занятые бесконечной бессмысленной писаниной.

Нынешние подростки — дети двухтысячных. Их родители — дети начала восьмидесятых. Те, на кого девяностые обрушились в разгар их взросления. Обрушились и на годы придавили возможность самовыражения, мысли о выборе, творчество и многое-многое другое. Они росли, вставали на ноги, крутились сутками в поисках зарплаты, которую не сожрет дефолт или девальвация, старались поддержать своих не выдерживающих новой жизни родителей... Пытались приткнуться, где могли, пробиться. Им было не до проблем образования и воспитания. Своих бы детей вырастить — и хорошо. А в глобальном смысле школы и институты общество не интересовали.

С чем сталкивается современный подросток? Со странной образовательной системой, слепленной из осколков советского наследия и западных технологий. Причем из обеих частей взяли не самое лучшее. Поменяли выстроенную десятилетиями систему воспитания в школах. Пионерские организации,

бесплатные кружки, спортивные секции, школьные походы, летние лагеря – все это теперь заменено платными услугами: платная продленка, платные лагеря со всевозможными программами от экстремальных до творческих, полностью платный детский спорт. Куда может пойти подросток, если у его родителей нет денег? На улицу. Или в интернет-пространство (сейчас это самый дешёвый из всех способов досуга).

Стержень образования – связка учитель–ученик – исчез из современной школы. Может, прежде наставник порой давил на ученика своим авторитетом. Но и принимал на себя ответственность за учащегося. За его воспитание, за его судьбу. И если замечал опасные отклонения в развитии, немедленно принимал меры. Вызывал родителей в школу, а иной раз и сам навещался домой к ученику, ставил в известность руководство школы, а если и это не помогало – детскую комнату милиции.

Кого сейчас заботит так называемое девиантное поведение подростков? Школьного психолога? Но что он может, если в каждом классе три–четыре сложных ребёнка? Не обязательно агрессивных, может просто замкнутых или переживающих развод родителей. Каждому такому ребёнку нужна поддержка. А на школу их оказывается 40–60. В результате максимум, что делает школьный психолог – проводит общее тестирование и составляет статистику.

Отношение в нашем обществе к психологам все еще носит некий первобытный характер: либо страх (вдруг что выявит и куда-то сообщит), либо обесценивание (слабаки идут к психологам, сильные справляются сами), либо агрессия (психологи сами больные и т. п.). Это легко заметить на примере детских клинических больниц. Должности психолога там просто не значится. В лучшем случае на онкологии. А зачем детям, ждущим операцию на сердце или на желудке, помощь психолога? На это есть родители. Запуганные, тревожные, ждущие родители.

Вы скажете, что раньше как-то справлялись и без психологов. Да, конечно. Не во всем, но там, где справлялись, была система поддержки. В детской сфере это были кураторы, тренеры, учителя – люди, для которых идея взращивания личности главенствовала над финансовым интересом. Время меняется, люди переориентировались на собственную выгоду. И вокруг детей образовалась пустота. Пустота, которую ребенок заполняет чем придется.

В нашей образовательной системе полностью разрушена воспитательная и поддерживающая структура. Куда может податься современный подросток, не распотрошив родительский кошелек? Спорт? – Увы. Только если ты с детства за родительские деньги тренировался и смог показать высокие результаты, и это окупилось тем, что тебя взяли на бесплатной основе в школу резерва. “Неодаренным” детям места нет.

Бесплатными остаются только детские площадки, на которых и отираются подростки под раздраженное ворчание молодых мам и старушек. А куда им идти-то? Все развлечения платные. Даже футбольные матчи любительских команд нельзя посетить без денег.

Остается реализовываться дома. А слышат ли ребенка дома? Есть ли кому слышать, если родители вынуждены работать сутками, чтобы просто прилично одеть и накормить. А может, и не работают сутками, но тогда, скорее всего, сидят у голубого экрана или пьют. Кому там есть дело до подростка?

И ведь школьные массовые убийства это лишь одна сторона катастрофы детства. А суициды подростков? В прессе тему “замяли”, но самоубийства продолжают. Об этом знают в узких кругах медицинских и правоохранительных органов. СМИ не до того: курсы валют, война в Сирии, выборы и, конечно же, санкции. Куда там до вас, растущее поколение, нам есть о чём говорить.

Еще одна сторона – те подростки, которые выбирают смерть медленную, прикрытую пеленой удовольствия. Наркотики и алкоголь. На всю нашу страну существует три реабилитационных бесплатных центра, да и те в Москве. Но и туда не примут бесплатно ребенка из регионов, потому как система здравоохранения претерпела модернизацию. В регионах для подростков с зависимостью лишь выделят койку в местной наркологической больнице, где он будет “учиться жизни” у взрослых алкоголиков. Что же до подростков с трудностями поведения, но еще не употребляющих психоактивные вещества – то для них НИКАКИХ реабилитационных центров и лагерей нет.

Не имея возможности вовремя остановить разрушительный выбор подростка, близкие могут лишь наблюдать его деградацию. За последний месяц ко мне обратились две мамы из отдаленных от Москвы городов с похожими

проблемами: мальчикам 12 лет, у обоих очень трудный характер, отцов нет, в школу ходить отказываются, грубят, ведут себя агрессивно. Дома сидят или у телевизора, или в соцсетях. Интересов нет. Порасспросив коллег в регионах, я поняла, что никаких вариантов предложить не могу. В наркологические центры ребят не возьмут, а других у нас нет. В итоге эти дети просто останутся в группе риска до тех пор, пока не совершат нечто противоправное.

Отдельная тема – женское воспитание мальчиков. Каждый второй брак в России заканчивается разводом. То есть ровно половина семей распадается. В 90 процентах случаев дети остаются с матерями. Может это и лучше, чем когда пьющий или бьющий мать отец остается в семье. Но все же основное воспитание мальчика – это мамыны и бабушкины наставления. А где мальчику искать ответы на свои мужские вопросы? С кем поговорить о том, куда приложить свою природную энергию? В деревне он, конечно, еще может взвалить на себя мужские обязанности, физической труд, дающий чувство гордости и значимости. А в городе? Со всех сторон ему твердят: учись, у тебя есть возможности. Но школа – это те же женщины. Преподавателей-мужчин практически нет. Мужского воспитания соответственно. Нет образов, на которые можно равняться.

А каких мужчин видит мальчик? Первый вариант – пьющих. Не важно – сильно или нет, тихо выпивающих вечерами или буйных, запойных. Второй вариант – успешных, но чаще всего очень занятых. Пребывающих на высотах бизнеса, где-то в другом далеком мире. Третий вариант – мужики протестующие и борющиеся. Они чем-то все время недовольны, что-то пытаются доказать. Но ведь и этим не до детей.

Подростковый кризис, говорят нам, был всегда. Однако согласно антропологическим исследованиям в племенах, приближенных к древним способам выживания, подобной проблемы нет. Да, там дети не получают достойного образования, не познают мир, не имеют возможности выбраться на большую землю. Но, может, нашему, такому цивилизованному и защищающему детские права, обществу есть чему поучиться у племен Амазонки? Наша система образования включает одиннадцать лет школы! Восемнадцатилетние мужчины сидят за партой. Физической силы хватит для работы на заводе, а они просят живаю часы в школе, потом дома за компьютером. Школьные уроки физкультуры – два часа в неделю – сути не меняют. Куда им деть свою силу? Она превращается в агрессию, потому как сила эта сдерживается, подавляется обществом: не ходи туда, этих прав у тебя пока нет, ты можешь только учиться.

В “отсталых” племенах мальчика оценивают по тому, чего он добился. Проявил себя на охоте, как взрослый – ты теперь в клане взрослых. И соглашались, это честно. Судят по способностям, а не по возрасту. Мы же пытаемся сдерживать наших чад, выглядящих совсем не по-детски, а в 18 лет на них обрушивается жизнь со всеми своими проблемами, от которых их так долго ограждали и с которыми они не обучены справляться. Мощный стресс, помноженный на долго копившуюся агрессию. Кого-то он калечит внутренне, а кого-то выталкивает на улицу, в ту же школу, побуждая калечить других.

Увы, политика детства и юношества у нас сильно хромает. Нам проще либо сваливать все проблемы на самих же подростков, обвиняя их в жестокости и агрессии, либо “откупаться”, придумывая упрощенные схемы финансирования для решения проблем подрастающего поколения. Мы похожи на молодых родителей, которые не планировали ребенка, оттого заняты пока что налаживанием своей жизни, полагая, что сейчас пока не до детей, надо встать на ноги, а уж потом будут время и средства, чтобы вложить в свое чадо...

Но наши дети здесь, рядом. Они подрастают, пока мы работаем, воюем, придумываем законы. Они вот вертятся под ногами, мешают своими вопросами, потребностями. А мы отмахиваемся, отправляем их “поиграть”, просим не мешать. И забываем, что накормить-одеть-отвести в школу это лишь малая часть того, в чем они нуждаются. Мы механически выполняем обязанности “цивилизованного” общества перед несовершеннолетними, выделяем деньги, но забываем наполнить наши отношения эмоциями, чтобы потом истерически кричать: “Я ж тебя растила, ночами не спала, только работала, чтобы ты ни в чем не нуждался, а ты!”...

Чем отплатят они нам завтра?